

© 2015 г. М.М. ВАЛЕНЦОВА

СЛАВЯНСКОЕ **MOR'E* – НЕ МОРЕ?

Простое на первый взгляд и однозначно трактуемое слово *more* оказывается не столь однозначным при ближайшем рассмотрении. Лингвистические и этнолингвистические, в том числе фольклорные, данные славянских традиций дают возможность трактовать слово *more* в славянских языках и диалектах как воду вообще, в том числе, как название обширных водных пространств, независимо от солёности, проточности, величины и др. свойств воды. Такая же семантика свойственна многим, если не всем, индоевропейским словам, а также ряду неиндоевропейских.

Simple and clear at the first glance word *sea* on a closer examination turned out to be not so clear. Linguistic and ethno-linguistic, including folklore, data of Slavic traditions make it possible to interpret the word *sea* in Slavic languages and dialects in the sense of water in general, and especially – the vast expanse of water – regardless of salinity, flowage, size and other properties of water. Moreover, the same semantics are characteristic of many, if not all, Indo-European denominations of the sea, and many words of not-Indo-European languages as well.

Ключевые слова: этнолингвистика, славянские языки, славянская традиционная культура, концепт море, индоевропейские параллели.

Keywords: ethnolinguistics, Slavic languages, Slavic traditional culture, concept sea, indoeuropean parallels.

Этнолингвистические исследования предполагают изучение соотношения и взаимодействия языка с мышлением, культурой, вообще с картиной мира народа. В центре внимания, тем не менее, остается язык во всех его аспектах – диалектологическом, этимологическом, семасиологическом, историческом и т.д. Поэтому сначала следует посмотреть на семантику слова *more* в разных славянских языках и диалектах, а также на другие лексемы, имеющие значение (одно из значений) ‘море’.

Анализ включает как собственно лексическую семантику, так и «коннотативную семантику, т.е. область “надстраивающихся” над лексической семантикой прагматических, символических, культурных, энциклопедических и т.п. “созначений”, актуализирующихся в особых периферийных, вторичных, поэтических, метафорических и др. “непрямых” употреблении слова» [1. С. 248]. Такой подход подразумевает изучение фрагмента «языковой картины мира», внутренних связей между всеми уровнями значения, характеристику «образа», который закреплен за словом в сознании носителей языка» [1. С. 249], для чего необходимо также обратиться к традиционной культуре славян и сохранившимся в ней контекстам употребления рассматриваемого слова.

Для удобства восприятия лексемы с корнем *мор-* и их производные (а также ряд других, имеющих значение 'море') представлены в виде таблицы:

язык, диалект	лексемы / фраземы	значение
ст.-слав.	<i>морѣ</i>	'море' [2. С. 227]
др.-рус.	<i>море</i>	'море, озеро', перен. 'водоворот жизни', 'большое количество чего-л, многое вмещающее в себя' [2. С. 228, 229]
др.-рус.	<i>Море Чудское</i>	'Чудское озеро' [2. С. 229; 3. С. 654]
рус.	<i>море</i>	'море', 'большое количество чего-н.', 'обширное пространство' [2. С. 228]
рус. диал.	<i>морцо</i>	'озеро, образуемое расширением рукавов в устье реки' [2. С. 229]; 'большое соленое озеро, отдельное, либо ковшем, с проливом, протоком в море; залив, отделенный пересыпью, наносом' (астрахан. – [4. С. 353])
диал. олон.	<i>море</i>	'Онежское озеро', 'море' [2. С. 228]
рус. диал.	<i>море</i>	'место с чистой водой в заросших камышом <u>озерах</u> ' (урал.), 'о луже на полу' (пск., твер.), 'детская игра' [2. С. 228], 'озеро' [3. С. 654]
рус. фольк.	<i>окиян-море, морие</i>	название Ледовитого <u>океана</u> в былинах (беломор.) [5. С. 261; 2. С. 228]; 'море' [2. С. 228]
ст.-укр.	<i>морє</i>	'море' [2. С. 228]
укр.	<i>море</i>	'море', 'очень большой искусственный водоем', перен. 'поросшее, покрытое чем-н. огромное пространство; большое количество чего-н.' [2. С. 228]
ст.-бел.	<i>море</i>	'море' [2. С. 228]
бел.	<i>мора</i>	'море' [2. С. 228], прям. и перен. (<i>мора тианіцы</i>)
бел. диал.	<i>морэ</i>	'море', 'множество' [6. С. 67; 7. С. 92; 2. С. 228] 'залитый водою луг' [2. С. 228]
бел. диал. моги-лев.	<i>Бабина мора</i> (микротопоним)	'озеро, заросшее травой' (раньше женщины стирали тут белье) [8. С. 19]
бел. диал. моги-лев.	<i>Гіцалева мора</i> (микротопоним)	'озеро' (выкопал человек по прозвищу Гіцаль) [8. С. 19]
бел. диал. моги-лев.	<i>дзіцячае мора</i>	'сенокос, место около источника, где купаются дети' [8. С. 19]
полаб.	<i>moráý, (no)mǎrai</i>	'море', 'на море' [2. С. 227, 228]
ст.-пол.	<i>morze</i>	'море; озеро' [2. С. 228]
пол.	<i>morze</i>	'море', 'большое количество чего-то' [2. С. 228]
пол. диал.	<i>moře</i>	'большой водоем' [2. С. 228]
пол. диал.	<i>m^uo^eže</i>	'большой закрытый водоем' [2. С. 228]
пол. краков.	<i>morskie oko</i>	'горное озеро' [9. S. 4; 10. S. 390]
кашуб.	<i>mořulko</i>	в детском яз. 'море', 'большое озеро' [11. S. 115]
кашуб.	<i>mære</i>	'море' [12. S. 106; 2. С. 228]
кашуб.	<i>moras¹</i>	'болото' [11. S. 107]
кашуб.	<i>morzkula / morzkulica</i>	'болото, торфяник' [10. S. 382]
кашуб.	<i>mořinc</i>	'большая лужа из помоев' [11. S. 115]
кашуб.	<i>Mořěčë</i>	'название маленького озера между Линией и Закшевом' [11. S. 115]
кашуб.	<i>Mořnica</i>	'название озера под Пшеточным' [11. S. 115]
кашуб.	<i>Morzycz, Morzycze</i>	название озера в повяте Вейхеровском [13. S. 67]
кашуб.	<i>Córka Mořa</i>	1. 'Жарновецкое озеро'; 2. 'Гданьский залив' [11. S. 112]

¹ Однако пол. *maras* 'болото' признается германским заимствованием [17. С. 130].

язык, диалект	лексемы / фраземы	значение
кашуб.	<i>Màlè Moře</i> <i>Mèlè mœre</i>	‘Гданьский залив’, ‘Пуцкий залив’ [11. S. 113; 10. S. 385] ‘Пуцкий залив’ [12. S. 106]
кашуб.	<i>Pucke moře</i>	‘Пуцкий залив’ [11. S. 113]
кашуб.	<i>V’elge (Wielkie) moře,</i> <i>Vjelzè mœre</i>	‘Балтийское море’ [11. S. 113; 10. S. 385]; ‘неспокойное, бурное море’ [11. S. 113] ‘Балтийское море’ [12. S. 106]
кашуб.	<i>Długie Morze</i>	‘Балтийское море’ [10. S. 385]
пол. стар. диал.	<i>dunaj</i>	‘далекая назная река’; ‘море’ [14. С. 156]
словин.	<i>m^hoře</i>	‘море, большое озеро’ [2. С. 228]
словин.	<i>moře</i>	‘море; множество, масса’ [2. С. 228]
ст.-чеш.	<i>moře</i>	‘море’ [2. С. 227]
чеш.	<i>moře</i>	‘море’, ‘множество, масса’ [2. С. 227]
словац.	<i>more</i>	‘море’, ‘множество чего-либо’, ‘неисчислимое количество, много’ [2. С. 227]
словац. диал.	<i>morie, mor(i)o, moro</i>	‘море’, ‘большое множество’ [2. С. 227; 15. S. 189]
словац. диал.	<i>morské oko</i>	‘небольшое горное озеро’ (ледникового происхождения) [2. С. 229]; ‘топкое, влажное место, болото или колодец вблизи источника’; ‘горное озеро’ [15. С. 591]
в.-луж.	<i>morjo</i>	‘море’, ‘бесчисленное множество’ [2. С. 227]
в.-луж. диал.	<i>morje</i>	‘море’, ‘много, уйма’ [16. S. 951]
ст.-в.-луж.	<i>w czerwenem moaru</i> <i>moró, morio, mohrjo</i>	‘в Красном море’ [16. S. 951] ‘mare, pontus, salum, aequor’ [16. S. 951]
н.-луж.	<i>móre, móro</i>	‘море’ [2. С. 227]
н.-луж.	<i>morjo</i>	‘море’ [16. S. 951]
ст.-н.-луж.	<i>mórje</i> D.sg. <i>mhuru (mórju),</i> <i>mohrjo, more</i>	‘море’ [16. S. 951]
ст.-словен.	<i>morje, mare, morie</i>	‘море’ [2. С. 227]
словен.	<i>morjê,</i>	‘море’ [2. С. 227]
словен. диал.	<i>mórje, mórje, mûarje</i>	‘море, океан’ [2. С. 227]
словен.	<i>veliko morjê</i>	‘мировой океан’ [2. С. 227]
ст.-сербохорв.	<i>more, morje</i>	‘море’ [2. С. 227]
серб.-хорв.	<i>mòre, mǒre</i>	‘море’, ‘морская вода’, перен. ‘множество, большое количество; большое пространство; далеко, на чужбине (за морем)’ [18. С. 423].
серб.-хорв. кайкав.	<i>mǒre</i> <i>morje</i>	‘море’, диал. ‘морская вода’ [2. С. 227] ‘море’, диал. ‘морская вода’ [2. С. 227]
серб. диал.	<i>mǒro</i>	‘озеро’ [2. С. 227];
болг.	<i>морé</i>	‘море’; перен. ‘большое пространство, необъятная ширь; большое количество чего-л.’ [2. С. 227]
болг. диал.	<i>мóре, мурé (мóри),</i> <i>мурйé, мóриé</i>	‘море’ [2. С. 227]
болг. родоп. фольк.	<i>барýга</i>	‘море’ (букв. «локва, небольшое озеро, лужа») [19. С. 13]
болг. устар. смолян.	<i>денис</i>	‘море’ (< тур. <i>deniz</i> ‘море’) [19. С. 65]
макед.	<i>more</i>	‘море’, ‘большое количество чего-л.’ [2. С. 227]

Как видно из примеров, кроме значения 'море', метафорического количественного 'большое количество, много', и количественно-пространственного 'ширь, большое пространство', заметно распространена в славянских языках и диалектах также семантика 'озеро, водоем (с пресной водой)', представленная также в поговорках, например: рус. *На то и щука в море, чтобы карась не дремал* (речь идет об озере, поскольку щука и карась – пресноводные рыбы [2. С. 229]). Наличие семантики пресноводного водоема, или, скорее, неревантность различения водоемов по признаку солености, отразилось в некоторых контекстах, где речь идет собственно о море: кашуб. *Moře zis żab'ęco mędla narob'ilo* [море сегодня жабьего мыла нанесло] [11. S. 110] – говорили при виде морской пены на берегу после бури на море, осознавая при этом, что жабы в море не живут.

К семантической сфере 'пресная вода' принадлежат и специальные контексты употребления лексемы *море*, такие как приветствие женщине, доящей корову, и означающее пожелание больших удоев, обилия молока: рус. диал. *море под кормилицу* (*под кормилицей*) (екатеринб., перм., свердл.), *Море под корову* (*коровушку, под коровушкой*) (новгор., волог., онеж., яросл., перм, ср.-урал., сиб., иркут.), *Море под матуху* (свердл.) [5. С. 261], рус. вятск. *море молока* и *море под корову* [20. С. 75]. Кроме того, что молоко является веществом «пресным» (болг. *прясно мляко*), или «сладким» (словац. *sladké mlieko*), можно вспомнить также о том, что в славянской культуре оно символически связано с дождем и росой (см.: [21. С. 284–288]).

Синонимии моря и озера в фольклоре отражают сюжеты легенды о затонувшем городе, затонувших колоколах и кладях и т.п.: на севере Кашубии предание повествует о старом городе Геле, и действие разворачивается на море [11. S. 112], в то время как у восточных славян – города погружаются в озера (ср. рус. град Китеж, погружившийся в озеро Светлояр).

Этимологи возводят слав. **mor-je* к и.-е. корню **mōri / *mari-*, основывая свои выводы на сходном корпусе индоевропейских соответствий (иногда с привлечением также неиндоевропейских коррелятов). Все же в этимологических словарях отдельных славянских языков есть и различия, которые касаются предлагаемых этимонов реконструированного индоевропейского слова, широты охвата иноязычных параллелей, трактовки первичной семантики слова. Ниже приводятся выбранные данные из разных этимологических словарей, прежде всего данные, которые в словарях различаются – чтобы составить наиболее полную картину разных взглядов на этимологию славянского слова **more*.

В «Этимологическом словаре славянских языков» (ЭССЯ) праслав. **mor'e* возводится к и.-е. *mori*, **mōri* 'море' (герм. 'стоячая вода'). Родственно лит. **mārios*, *mārės* 'Куршский залив', жем. также 'море, Балтийское море'. Др.-прусс. *mary* 'залив', латыш. *mare*, *marā* 'то же', гот. *marei* 'море', др.-в.-нем. *meri* 'море', ирл. *muir* 'то же', лат. *mare*, возм., также др.-инд. *maryādā* 'берег моря', см. еще с др. ступенью чередования гласного: др.-в.-нем. *muor* 'лужа, болото', англос. *mōr*. Далее приводится гипотеза А.В. Исаченко, который, ссылаясь на предположения С. Файста и Х. Краэ, считал, что слово **mari-*, **mōra* обозначало раньше в германских языках не 'море', а 'стоячую (пресную) воду, болото, болотистое место', что подтверждается и славянским материалом; далее отсюда делается вывод о том, что и.-е. слово (и его соответствия по языкам) возникло еще до периода великих миграций, т.е. до знакомства наших предков с открытым морем. В то же время ЭССЯ признает обе возможности: и семантический переход значения 'болото, стоячая вода, озеро', в значение 'море' (предлагаемого Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым), и своего рода деградацию первоначальной семемы 'море' (точка зрения О.Н. Трубачева) [2. С. 229].

«Этимологический словарь русского языка» отмечает диалектное значение 'озеро', дает параллели из и.-е. языков (лит. *mārios*, *mārės* 'Куршский залив', жем.

‘море, Балтийское море’, др.-прусс. *mary* ‘залив’, латыш. *mare, maŗa* ‘залив’, гот. *marei* ‘то же’, др.-в.-нем. *meri* ‘то же’, ирл. *muir*, лат. *mare*, др.-инд. *maryādā*, др.-в.-нем. *muor* ‘лу́жа, болото’, англос. *mōr*) и утверждает, что древним значением слова было ‘болото’. Отмечаются также «любопытные» значения рус. диал. *морe* ‘озеро’ (олонец., онеж.), др.-рус. *морe Чудское* ‘Чудское озеро’ [3. С. 654–655].

«Этимологический словарь украинского языка» к слову *морe* ‘большой водный простор’ приводит производные с корнем *мор-*, соответствия в славянских и и.-е. языках (лит. *mārios (mārē)* ‘море, залив’, латыш. *mare* ‘залив’, гот. *marei* ‘море’, др.-в.-нем. *mari* ‘море’, *muor* ‘лу́жа, болото’, др.-англ. *mere* ‘море’, *mōr* ‘лу́жа’, н.-в.-нем. *Meer* ‘море’, *Moor* ‘болото’, др.-ирл. *muir* ‘море’, лат. *mare* ‘море’) и возводит праслав. *morje* ‘водный простор; море’ к и.-е. корню *mōri* ‘море, болото’ [22. С. 513].

В «Этимологическом словаре белорусского языка» указывается на два значения слова *морe* – ‘море’ и ‘большое количество’. Праслав. *morje* ‘море’. И.-е. соответствия: лит. *mārios, mārēs* ‘Куршский залив’, жемайт. ‘море’, ‘Балтийское море’, латыш. *mare, maŗa* ‘залив’, гот. *marei* ‘море’, ирл. *muir*, лат. *mare* ‘то же’, ст.-фриз. *mār* ‘ров, пруд’: н.-в.-нем. *Marsch* ‘заболоченная низина’, хет. *ma(r)-, marra* ‘болото’ (Фасмер). Реконструируется и.-е. **mari* ‘море, стоячая вода’, которое на славянской почве было распространено суффиксом *-o-*, как в *ezero, pleso* (Махек), приводится точка зрения Ф. Шпехта, который выводил и.-е. праформу **mor-(u)-* ‘темный цвет’, ср. др.-греч. *μόρυχος* ‘грязный, темный’, кавказ. *mere, merede, merevi* ‘вода, глубина, озеро’, монг. *mörö* ‘великая река’ [6. С. 67–68].

«Этимологический словарь польского языка» лаконично приводит несколько и.-е. параллелей к слову *morze*, отмечает фиксацию корня у всех славян, но не предлагает никакой трактовки семантики или этимологии слова [23. S. 344].

В «Этимологическом словаре чешского языка» отмечается общеславянский характер слова *moře*, приводятся лит., гот., ст.-ирл. и лат. соответствия, реконструируется и.-е. вид лексемы **mari*, «одно из редких суц. ср. р. на *-i*», которое рифмовалось со ст.-инд. *vāri* ‘вода’. Слав. слово распространено гласным *-o* (**morj-o > moře*), скорее всего, под влиянием слов типа *jezero, pleso*. «По мнению Т. Милевского, это слово субстратное, потому что праиндоевропейцы моря не знали» [24. S. 374].

«Историко-этимологический словарь верхне- и нижнелужицкого языков» сообщает ряд малоизвестных серболужицких слов, зафиксированных в старых документах, возводит все славянские слова к праслав. **more* ‘море’, ‘внутреннее озеро’ (‘озеро’ – в рус. диал., ст.-в.-луж.), приводит и.-е. соответствия, в том числе германские, продолжающиеся в англос. *mōr*, ст.-в.-нем. *muor* ‘болото, грязь; море’, *salz-muorra* ‘Salzsumpf (соленое болото, грязи)’. Соотносится далее с корнем цветообозначения и.-е. **mor- (mer-)* ‘dunkler Fleck (темное пятно)’, ср. в.-луж. *marac, mórac* ‘пачкать’, *móra* ‘Грязнуля, Пеструха (кличка коровы)’, н.-луж. *morg* ‘пятно, полосатость’ – или, точнее, с и.-е. **mer-* ‘сверкать, пестрить, рябить, мигать’ (др.-инд. *mārici-, marici* ‘сияние, мираж’, ср. в.-луж. *mara, mary*). Корень сравнивается также с названиями реки и страны: чеш. *Morava*, рус. *Моравия*, ст.-рус. *Морава*, пол. *Morawa*, с.-х. *Morava*) [16. S. 951].

«Этимологический словарь словенского языка» к лексеме *mōrje* ‘mare’, более старое *morjē*, предлагает производные, реконструирует праслав. **moře*. Считает слово родственным лит. *mārios, mārēs (pl.)* ‘Куршский залив’, жем. также ‘море’, латыш. *maŗa, mare* ‘Куршский залив’, ст.-прусс. *mary* ‘то же’; лат. *mare*, ирл. *muir*, гот. *meri (f.)* ‘morje’; с вероятностью сюда же отнесено ст.-инд. *maryādā* ‘морской берег’. Возводится к и.-е. *mōri-* ‘море, стоячая вода’. Поддерживается гипотеза Ф. Шпехта, который слова для обозначения моря возводил к и.-е. **mor-(u)-* ‘темный цвет’, гр. *μόρυχος* ‘темный’, лит. *morai (pl.)* ‘плесень’, далее сравнивается с кавк. *mere, merede, morevi* ‘вода, глубина, озеро’, монг. *mörö* ‘большая река’ [25. S. 195].

«Сербско-хорватский этимологический словарь» предполагает: «весьма вероятно, что и и.-е. *mari*, и праслав. *morje* относилось к Балтийскому морю, на котором формировались поморяне». Отмечается, что из других индоевропейцев это слово есть у германцев (гот. *marei*), итальянцев (лат. *mare*), кельтов (ир. *muir*, гал. *mor*), тогда как остальные имеют совершенно другие слова (напр., греки). «Это могло бы означать, что за время своих первых миграций дорийцы на западе и индоарийцы на востоке не унаследовали из и.-е. прародины единое слово для этого понятия, а позаимствовали его от народов, к которым они пришли на новую родину. Итальянцы, кельты, германцы и славяне, напротив, пронесли за время своих миграций название Балтийского моря (у Парфирогенетов – темное море) и перенесли его на новое море, которое узнали. Поэтому и Ядран называется только *more*. Среди неиндоевропейских параллелей – кавказ. *mere, merede, morevi* ‘вода, озеро’ и под., монг. *mörö* ‘большая река’ [26. С. 454–456].

«Этимологический словарь болгарского языка» приводит большое количество производных и фразеологизмов с корнем *mor-*, реконструирует праслав. форму **marje*, родственную балтийским (лит., латыш., прус.) формам, восходящим к и.-е. **moryo-*. Среди соответствий также ст.-в.-нем. *mari, meri*, др.-англ. *mere* ‘море, озеро’, гот. *marei*, ст.-ирл. *muir*, бретон. *mor* ‘море’, восходящие к и.-е. **mori*, и германские производные с удлинненным корневым гласным (< и.-е. *mōrā*: ст.-в.-нем. *tuor* ‘локва, болото’, англос. *mór*). В родстве с этими словами, очевидно, и хет. *marmarra-* ‘болото’. Утверждается, что обычно реконструируемая праформа **mari* или **māri-* на основе лат. *mare* ‘море’ ошибочна, поскольку лат. *mare*, вероятно, заимствование [27. С. 240–241].

Таким образом, нет единого мнения о форме и первичном значении слова *more* не только в индоевропейском, но даже и праславянском. Дискутируется и направление его семантического развития: было ли первичным значение ‘море’, расширившееся до обозначения любой большой водной поверхности, включая ‘озеро, пресный водоем’, или наоборот, первоначальным было значение для пресных вод, суженное затем только до называния соленых морей. Несомненно, этот вопрос связан и с вопросом об ареалах формирования и первичного расселения славян и индоевропейцев в целом, а также путях их миграций.

Более глубокому и адекватному пониманию языковой семантики, которая самым непосредственным образом связана с «языковой картиной мира» [1. С. 250] способствует обращение к духовной культуре славян, сохранившей в том числе архаичные представления народа о мире. Из понятия (образа, концепта) моря в славянской культуре дедуктивно выводятся и языковые формы его выражения (ср. [28.]).

В настоящее время во многом облегчает работу в этом направлении пятитомный этнолингвистический словарь «Славянские древности» (1995–2012) под общей редакцией Н.И. Толстого. В словаре представлены практически все значимые концепты традиционной народной славянской культуры, а также праздники, обряды, обычаи, семантические оппозиции и т.п.

Отдельная статья в словаре посвящена *морю*, которое описывается отчасти как реальный, но более как нереальный, мифический локус. Это и изначальная субстанция, откуда произошла жизнь, откуда вытекают реки и куда они же впадают, куда отлетают птицы на зимовку, откуда аисты «вылавливают» детей, куда отсылают болезни и демонов, где спасается от преследований черт, и т.п.: «Море – в мифопоэтической традиции славян первичная и вечная природная стихия; символ безграничного пространства, отдаленного от людей края земли; мифологизированный водный источник («отец» всех рек, озер и ручьев); чужой, опасный мир, граница между «тем» и этим светом» [29. С. 299].

Образ моря значим в народных этимологических легендах о происхождении мира, в заговорах, где оно предстает то как божественный локус, откуда происхо-

дит исцеление, то как «пустое» пространство, куда отсылаются болезни; в сказках, где море является границей между миром людей и «тем светом», где живут Кощей Бессмертный, Змей Горыныч и др. чудища заморские; в поверьях, где море – место пребывания духов, «хозяина моря», хтонических животных.

По народным верованиям море и небо «образуют единое космическое пространство», в море Солнце опускается каждый день и из-за моря показывается. Это символ необычного, чудесного мира, где живут колдуны и странные народы.

В фольклорных текстах (в свадебных, лирических, заговорных) «синонимом моря часто выступают большие реки» (Дунай, Днестр, Висла); озера, болота [29. С. 299–301].

Материалы из польского «Словаря народных стереотипов и символов» под ред. Е. Бартминьского дополняют и конкретизируют эти данные польскими материалами (в разделе *Morze* «Море» без малого 40 страниц, s. 381–417): «Море взаимозаменяется с озером и *дунаем*. Это большая вода, в которой плавает земля и в которой купается солнце [10. С. 381]. Название *morze* родственно *moras* ‘болото’, *morzkula / morzkulica* ‘болото, торфяник’, *morzyńc* ‘большая лужа помоев’, именам собственным озер *Morznicza, Morzëczë, Morzyca, Morno, Morag* [10. С. 382]. В космогоническом порядке море трактуется как существовавшее всегда: «До сотворения мира не было ничего, только небо и море», отсюда берет начало сочетание *вечное море*. Согласно восточнославянским мифам (известным также и другим народам) Бог сотворил землю из земли / песка, которые черт достал со дна моря (по библейскому рассказу сначала Бог создал море). Море считается отцом рек; все реки мира вытекают и впадают в море. В Кашубии Жарновецкое озеро называется также «Дочерью Моря» (*Córka Morza*) [10. С. 384].

Земля плавает на поверхности моря: «И появилась земля, как лепешка, плавающая по воде, берега которой окружало *вечное море* (*wieczne morze*). Люди поэтому знают, что где бы ни начали рыть колодец, везде найдут воду. Кроме того, на земле есть бездонные озера – «морские очи» (*morskie oka*) (краков.) [10. С. 390; 9. С. 4].

Термин *morské oko* как обозначение высокогорного озера известен также словацкому языку [15. С. 591, 191]. Согласно словацким быличкам «морские очи» в горах связаны подземными реками с морем, поэтому в озерах этих находят останки морских рыб и животных, а мифологические *водяные* и *вилы*, живущие в них, ходят друг к другу в гости из одного озера в другое или бьются между собой [30. С. 117].

В сказках за морем находится конец света, а само море разделяет миры, реальный и потусторонний. Например, в словацких сказках преследующая героев Баба Яга лишается сил, не может преодолеть море и вынуждена вернуться домой: *Ježibabu vláda pri mori nechala, musela sa vrátiť s hanbou* [31. С. 25]; за морем колдун *strigôň* уже не имеет силы: *Ale na šťastie doleteli k jednému moru, a strigôňova moc už nešla ďalej* [Но к счастью, они долетели до моря, и власть колдуна дальше уже не распространялась] [32. С. 430].

Синонимами *моря* в песнях и в народных текстах является *озеро, пруд, река, дунай / Дунай, висла / Висла*, «что также объясняется пониманием моря как любой большой воды, а не только воды, обтекающей сушу» [10. С. 383]. С одной стороны, в кашубской песне море называется водой: *bursztynowa woda* «янтарная вода» – по признаку наличия янтаря [10. С. 383], хорваты вместо *more* говорят *voda* (*voda kalaje* ‘отлив’ [*kálat, kalávat* ‘опускаться, отступать’], *voda krešije* [*krešjěnta* ‘прилив’, из ит. *crescendo*], *visoka voda*) [33. С. 138], с другой стороны в песнях море – *быстрое*, как река, в загадках – *неспое* (т.е. сверкающее, подвижное, меняющее цвет), ясное [10. С. 383]. Здесь уместно вспомнить одну из этимологий славянского **mor’e* от корня цветобозначения в связи с греческим *μαρμαίρω* ‘сверкаю’, далее к и.-е. **mar-* ‘блестеть’ [2. С. 229; 16. С. 951].

Не только море, но и Дунай, Висла как конкретные реки тоже обозначают в диалектах и фольклоре любую большую реку и большую воду вообще, в том числе море; при этом имя реки переходит в разряд апеллятивов (пишется с маленькой буквы, становится возможным множественное число: *Na svätého Grěgořa jize zěma ... jize V'isla ... jidq vislě do mořa* [На святого Григория идет зима... идет Висла... идут вислы в море] [11. S. 112]. Сюда же: стар. пол. диал. *dunaj*, т 'далекая незнакомая река; море'; рус. диал. киров. *дунай* 'ручеек из-под земли'; укр. *дунай* 'разлив воды, вообще большое скопление воды', 'река Дунай' [14. С. 156]. Надо отметить, что этимологически названия больших рек, протекающих на славянских территориях – *Днепр, Днестр, Дон, Дунай* – восходят к иранскому корню *dan-* 'река, вода' (с тем же нерасчлененным названием воды).

Море – это большое, открытое пространство, поэтому нередко в текстах выступает в сопоставлении с небом, полем, дубравой [10. S. 384]. Оно настолько широкое, что встречается с небом.

Поэтическая метафора *поле – море* основана не только на широте, но и на волнообразном движении поверхности того и другого, сходства моря и вспаханного поля. У кашубов, например, при множестве глаголов описывающих движение моря (*morze faluje* [волнуется], *sq kozelkuje* [кувыркается], *kolibie sq* [качается], *dolěwa* [приливает], *nadxādā* [приходит], *daje sa częc* [течет], *tańcėje* [танцует], *rosce* [растет], *jurzi sq, juszi sq, jutrzy sq* [ярытся], *wali* [валит] и др. – 11. S. 110), есть и глаголы *grabelkuje, grablinguje* 'слегка волнуется', покрывается барашками волн [34. S. 109] (< *grable* 'сельскохозяйственное орудие для сгребания сена, зерна...' [34. S. 350]), *moře oře al. orėje* 'колышется' [11. S. 110] (ср.: *orac, ore* 1. 'пахать'. 3. рыбац. 'колыхаться' (Hel), также *orovac* 'волноваться, колыхаться', в том числе 'работать в море до поздней ночи' [11. S. 333, 335]); море *ubronováně ... pograb'oně ... jakbě čo xto boronamě přejaxāl* [боронованное, «граблями причесанное»... как будто его кто с бороной проехал] [11. S. 110]. Ср. в этой связи русскую поговорку: *Море наше поле* (о морском промысле) [4. С. 353].

И наоборот о волнующемся злаковом поле кашубы говорят: *To zbožě tak morzėje* – от пол. *morzować* 'волноваться' [10. S. 382], а в одной польской сказке дураки принимают колышущееся поле гречки за море.

Много архаической лексики и архаических представлений о мире сохранилось в заговорах и других магических текстах. Согласно «Указателю заговорных текстов восточных и южных славян» [35], понятие и слово *море* употребляется в заговорах довольно часто.

На море (море/лукоморье/океане) стоит остров/дуб/камень ... там происходит действие заговора. За море отсылаются болезни, в море они пропадают. Значение лексемы *море* в этом случае – нечто обширное, далекое и ирреальное, чужое, находящееся вне человеческого мира. Море означает также другой мир, «тот» свет («...девять мужчин... берут у человека боль, заносят ее за моря, в «пустое место»» [35. С. 53]. «На море дуб, под ним сидят три девицы. Одна варит вино, другая снимает болезнь, третья отправляет ее на море» [35. С. 50] и др.

Море в заговорах синонимично реке, водоему, болоту («Болезнь уплывает в море, в Дунай, под камень» [35. С. 61], в заговорном море живут *щука, лягушка/жаба* («Щука гуляет по морю, пускает яд» [35. С. 39]), «На море остров, на острове камень, на нем лягушка» [35. С. 40]. Реки вытекают из моря («Водица-царица вытекает с моря и др...»), «Вода выходит с моря, из-под камня» [35. С. 65, 67]. Иными словами, рисуется некое единое водное пространство или, скорее, стихия воды: «На море, на реке ракета...» [35. С. 28]. Болезни передаются «старшему черту, чтобы он унес за болота, в «пустое место»» [35. С. 50]. Отражен в заговорах и семантический параллелизм моря и Дуная, отмеченный выше: «Она приходит и забирает с человека болезни, несет их за «Дунай-море»» [35. С. 51].

Море оказывается изофункциональным также полю – в некоторых контекстах они равноценны, благодаря сближению по значению ‘некое широкое, безмерное пространство’: «На море, на берегу реки сидит дед. Он ходит по полю и морю...», «В поле, на море стоит дуб...», «В поле, на море куст, в нем три змеи» [35. С. 43, 35, 25]. «Заг[оваривающий] встает благословясь, выходит в поле, на море» [35. С. 58], Заг[оваривающий] встает благословясь, выходит/идет на море / в поле / на гору [35. С. 51, 60, 61]; болезни «уносятся с человека за море и поле» [35. С. 47].

Материалов о *море* в славянских диалектах, поверьях и разных жанрах фольклора значительно больше, но и перечисленных выше достаточно, чтобы сделать некоторые выводы. На основании данных славянской диалектной лексики, этимологических разысканий и фольклорных представлений о земной влаге, можно заключить, что слово *море*, а также его производные в славянских языках отражает синкретический концепт воды, влаги, водного источника вообще. В этот концепт включены в качестве частных значений: ‘море’, ‘океан’, ‘река’, ‘озеро’, ‘залив’, ‘болото’, ‘лужа’, а также метафорические: ‘поле’, ‘луг’, ‘большое пространство’, ‘бесчисленное множество’. Такая полисемия отражает архаические славянские представления о том, что море – *единая, первичная, вездесущая, вечная вода* – независимо от ее вкуса, цвета, течения, объема – вода, которая омывает сушу, протекает по ней реками, проступает озерами-глазами, просачивается родниками и болотами; все эти воды соединены друг с другом и суть одно и то же *вечное море*.

Наверное, поэтому у этимологов нет единой точки зрения на этимон для и.-е. корня **mar-/mor-/mer-* и на направление дальнейшей мотивации при номинации других водных объектов. Учитывая синкретический образ *моря* в славянских языках и культуре, видимо, остается признать, что для этого корня (с альтернативами) основное и древнее значение – ‘вода’, а семантические модификации (конкретизация) лексемы в каждом славянском языке или диалекте отражают свойства разных источников воды (моря, реки, озера и т.п.), встречаемых на территории расселения конкретных племен. Вместе с тем, на основании мифологических представлений, магических текстов и этиологических легенд, сохранившихся в традиционной духовной культуре славянских народов следует признать раннее знакомство славян с морем как бескрайним водным пространством, омывающим сушу (‘океан, море’) – ср. значения (‘очень) большой водоем; большое пространство; большое множество’, а также кашубские обозначения озер и залива как «маленьких» морей: *Córka Mořa* «дочь моря» – ‘Жарновецкое озеро’, ‘Гданьский залив’ [11. S. 112], *Málè Moře, Mèlè mœre* «малое море» – ‘Гданьский залив’, ‘Пуцкий залив’ [11. S. 113; 10. S. 385], ‘Пуцкий залив’ [12. S. 106], *Pucke moře* ‘Пуцкий залив’ [11. S. 113] или карпатские названия горных озер как «морских очей» (пол. *morskie oko* – [9. S. 4], словац. *Morské oko* – [15. S. 591, 191] – при болг. *Okoto* ‘озеро в группе Бендерских озер в Риле’ [27. С. 844].

Привлечение к анализу слов, обозначающих море, в других индоевропейских языках, возможно, даст дополнительный материал для суждений о месте праславянских диалектов в семье индоевропейских языков и предположительном ареале формирования праславянского этноса. Судя по материалам «Словаря избранных синонимов в основных индоевропейских языках», в романских, германских, славянских и балтийских языках представлены или были в прошлом представлены лексемы с корнем **mar-/mer-/mor-*, в том числе наряду с другими корнями (лат. *mare*, фр. *mer*, исп. *mar*, рум. *mare*: ирл. *muir*; *fairge*, *ler*, уэльс. *mor*, бретон. *mor*, гот. *marei*, ср.-сев. (исланд.) *haf*, *sær (marr)*, ст.-англ. *sæ (mere, hæf)*, ст.-в.-нем. *marī, sēo*, ср.-в.-нем. *mer, sē*, н.-в.-нем. *meer, see* (f), слав. **more*, лит. *jūra (marès)*). Иные лексемы представлены в греческом – *θάλασσα*, (*ἄλς, πόντος, πέλαγος*), новогреческом – *θάλασσα, πέλαγος*, санскрите – *sāgara-*, *samudra-*, авестийском – *zrayah-*, ст.-перс. – *drayah-* [36. S. 36].

При этом в большинстве европейских языков наблюдается колебание значений между 'море' и 'озеро', 'река'. Например, в ст.-англ. *mere* чаще обозначало 'озеро', лишь редко – 'море' [36. S. 36]. Помимо корня **mor-* для обозначения моря в германских языках использовались и другие корни, например: гот. *saiws* 'озеро', ср.-сев. *sær* (*sjār, sjōr*) 'море' (дат. *sø*, швед. *sjö* – обычно 'озеро', но также 'море' в фраземах), ср.-в.-нем. *sē* 'море' или 'озеро', н.-в.-нем. *see, f* 'море', *see, m* – 'озеро' [36. S. 37]. Семантические колебания свойственны также новоперс. *daryā* – 'море' или 'большая река', санскр. (ведич.) *ṛjāyas-* 'плоская поверхность' [36. S. 37], сравнимые с греч. *πέλαγος*, лат. *aequor* 'уровень, поверхность' [36. S. 36].

Все это заставляет авторов словаря трактовать значение слова *more* как «большой объем воды», отмечая, что «между 'морем' и 'озером' нет четких различий (ни по размерам, ни по солености/пресности воды), и одно и то же слово или группа родственных слов может служить для обозначения моря или озера в отдельности или обоих понятий одновременно, или изменять основное значение в соответствии с физическими условиями» [36. S. 36]. Важнейшие для понятия «море» семы, согласно мнению авторов словаря, это: 'глубокий', 'уровень', 'путь', 'сверкающий', 'соленый', или просто 'вода'². Такая трактовка совпадает с семантикой моря в славянских языках и славянской культуре.

Закономерно и лексемы, обозначающие в избранных и.-е. языках понятие 'озеро', показывают общность романских и германских языков, в которых представлена реализация одного и.-е. корня: лат. *lacus*, ит. *lago*, фр. *lac*, исп. *lago*, рум. *lac*, ирл. *loch* (*lind, linn*), вал. *llyn*, брет. *lenn, loc'h, lagenn*, ср.-англ. *lac*, н.-англ. *lake*; особые лексемы для греческого (*λίμνη*), санскритского (*saras-*, *hrada-*) и авестийского (*vairi-*), а также особый корень для балтийских и славянских (прусс. *assaran*, лит. *ežeras*, латыш. *ezers*, слав. *ezero, ozero* и т.п.), этимология которых авторами признается неясной. В германских языках для обозначения озера употребляются наименования, использованные, в том числе, для понятия 'море': гот. *saiws, mari-saiws*, дат. *sø, indsø*, швед. *sjö, insjö*, др.-англ. *mere, sē*, голланд. *meer* [36. S. 37, 38].

Данные «Словаря избранных синонимов индоевропейских языков», несмотря на ограниченный состав включенных языков, указывают на наличие диалектных образований в праиндоевропейском, например, группы, объединяющей предков славянских, балтийских, германских и романских языков, диалектное единство которых подтверждают и другие исследования.

Вопрос об этимологии «темных» славянских и балтийских слов для обозначения 'озера' проясняет ЭССЯ, который реконструирует праслав. **ezero* < и.-е. **eǵhero-* или **aǵhero-*, и предполагает соотношение с праслав. **ěзь* 'дамба, запруда'; этот же корень есть в греч. *Ἀχέρων* и в названиях ряда др. рек [37. С. 34, 59]. Последнее замечание – об использовании в гидронимии одного корня для названия озера и рек вновь возвращает к архаической идее нерасчлененного понятия воды, благодаря которой в современных и.-е. языках сохранились взаимозаменяемые обозначения разных водных источников.

Такая «водная» полисемия характерна для упоминавшегося выше слав. *дунай* ('далекая незнакомая река; море'; 'ручеек'; 'разлив воды', 'Дунай' [14. С. 156]). Еще больше значений зафиксировано у слова *бара* в болгарском и македонском: 1. ручей, арык; 2. лужа; 3. диал. болото; 4. диал. трясына, топкое место; 5. грязь; 6. родничок; 7. место под водопадом, где стирали белье; 8. *баруга* – фолькл. диал.

² 'Sea' is understood here as covering the most general terms applied to large bodies of water and used in such a phrase as 'by land and sea'. But between 'sea' and 'lake' there is no rigid demarcation (either by size, or as salt vs fresh water), and the same word or related group may serve for either or both, or shift its prevailing application with changed physical conditions. This is notably the case in the Gmc. languages, with the divergent distribution of the groups represented by NE [new-English – M.B.] sea and NHG [new-high-Germanic – M.B.] meer. [...] The words for 'sea' reflect such notions as 'deep', 'level', 'way', 'glistening'(?), 'salt', or simply 'water' [36. S. 36].

море (родоп.); 9. русло пересохшего ручья [19. С. 12–13]. Тенденции к подобной полисемии характерны и для заимствованных в славянский слов, например, болг. и макед. *гъол* (*г'ол*, *г'оа*), а также для самого языка-донора (турецкого): 1. лужа (разг. или архаич. диал.); 2. диал. большая лужа; 3. диал. большая лужа со стоячей водой; [...] 6. болото (макед., разг. или архаич. диал.); 7. болотце; 8. стоячая вода (разг. или архаич. диал.); 9. диал. озеро (разг. или архаич. диал.); 10. озерко; 11. пруд; 12. диал. глубокое место на реке; 13. диал. небольшой пруд; 14. диал. глубокий пруд... < тур. *göl* 'озеро; большое поле; водопад' [19. С. 62]. Отметим соответствие значений 'озеро' – 'поле' в турецком, как и в славянских языках.

К возможности семантических переходов в наименованиях водных источников примыкает и вопрос об этимологии названия *Балтийское море*: лит. *Baltijos jūra*, латыш. *Baltijas jūra*, *Baltā jūra*, *Baltikas jūra* [38. С. 103], кашуб. *Baltyk* 'Балтийское море, белое море' [13. С. 4], прус., курон., лит. *Balta Jura* [39. С. 1]. Для прусского языка «вероятна реконструкция прус. *balt-* 'болото', а в литовском тот же корень связан с обозначением белого [40. С. 189]. В названии Балтийского моря содержится корень **balt-* 'белый', родственный слав. **bolto* 'болото', которое само соотносимо с корнем цветообозначения, аргументы см. в [41. С. 180]. Там же приводятся близкие словообразовательные и семантические параллели к праслав. **bolto*: алб. *baltë* 'тина, болото, глина, земля', восходящее, как предполагается, к иллирийскому (так же как и рум. *baltă*, молд. *балтэ*, укр. диал. *балта* 'болото', которые являются заимствованиями из румынского), а также субстратные диалектные слова: с.-итал. *palta*, далм. *balta* 'болотистое озеро' и др., в связи с чем делается вывод: «Т.о. вырисовывается, при всей своей географической сложности и субстратной пестроте, ареал и.-е. названий болота, водоёма, стоячей воды с праформой **bhol(ə)to-m*, **bhol(ə)ta*» [41. С. 181]. Учитывая эти значения, можно определить семантику названия *Балтийское море* как 'белое море', или – 'болотистое море'.

В контексте темы *море* обращает на себя внимание принцип цветообозначения при номинации водных объектов вообще и моря в частности: отмеченная выше этимологическая связь слав. **bolto* с лит. *baltas* (слав. форма считается субстантивированным прилагательным ср. р.) и и.-е. слов на основе праформ **mor-(u)-* 'темный цвет' (др.-греч. *μόρϋχος* 'грязный, темный' – 6. С. 67–68; 25. С. 195), **mor-* (*mer-*) 'темное пятно' – с и.-е. **mer-* 'сверкать, пестрить, рябить, мигать' [16. С. 951] в связи с греческим *μαρμαίρω* 'сверкаю', далее к и.-е. **mar-* 'блестеть' [2. С. 229])³. Представления о *мерцании*, *сверкании* моря сохранились у кашубов: «море меняется разноцветными красками», «море золотится под солнцем и под луной», *moře są skřěvi* [море блестит], *smeje są* [смеется], когда на него светит солнце, и т.п. [11. С. 111]. В той же мотивационной парадигме цветообозначения стоят современные названия морей: *Черное*, *Белое*, *Красное*, *Желтое*, возможно, *Мраморное* и болгарское название Эгейского моря – *Бяло море*.

Мотивацию названий водных объектов по цветообозначению, вероятно, надо считать наиболее древней индоевропейской этимологией (ср. еще название озера *Балатон*, с тем же корнем, что в слав. *болото*, польское название болота *Białe Błoto* [41. С. 180], лит. *Baltoji upė*, латыш. *Baltais ezers* – 40. С. 189] и др.

То, что реконструируемые для индоевропейского названия водных объектов имели синкретическую семантику, то есть называли любой источник с водой, кос-

³ Ср. также семантический параллелизм 'белый' и 'пестрый, рябой, мерцающий' в литовском фольклоре, в таком архаическом жанре как загадка: *Balta višta tvoron ikišta (langas)* 'Белая курица в забор засунута (окно)'; *Marga kiaulė tvoroj inkimšta (lungas)* 'Пестрая свинья в забор засунута (окно)'; *Balta kalaitė juodoj tvoroj įstrigus (langas pirkioje)* 'Белая сука в черном заборе застряла (окно)'; *Ant sienų margos kates laipioje (langai)* 'По стенам пестрые кошки лазят (окна)' [42. С. 36] (там документация примеров). Говоря о семантических связях лит. *margas* 'пестрый', Л.Г. Невская отмечала, что в балто-славянском фольклорном пространстве балтийскому 'пестрый' нередко соответствует славянское 'черный' (см. [43. С. 131]).

венно подтверждает и вывод, сделанный Л.В. Куркиной на основе тщательного изучения славянских названий болот: «В целом едва ли можно говорить о глубокой праславянской древности болотной терминологии. Само значение ‘болото’ для подавляющего большинства рассмотренной лексики является общей семантической инновацией. [...] Самостоятельными географическими терминами, пожалуй, можно признать лишь **bolto*, **bělb*, **bagъno*, **merča*/**morky*, **timěno*. Лишенные семантической мотивированности на праславянском уровне, они обнаруживают параллели, правда, не всегда достаточно точные, в балтийских и германских языках». При этом неясным признается происхождение западно- и восточнославянской основы **timěno*, авторы этимологических словарей связывают его с *tina*, *tajaty*, сближая с греч. *τίλος* ‘жидкие испражнения’, англос. *dīnan* ‘намочать и др’ [17. С. 141]. Если для **bolto* и **bělb* на и.-е. уровне восстанавливается семантика ‘белый, светлый’, то для **timěno* соблазнительно было бы видеть этимон с семантикой ‘темный’ (ср. еще название реки Тимок на Балканах, правого притока Дуная), однако этот вопрос требует специального исследования.

За рамками и.-е. языков корень **mor-/mar-/mer* обнаруживается с тем же нерасчлененным понятием ‘вода, влага’, в ностратических языках⁴. Корень № 294, по Иллич-Свитычу, реконструируется как *mār’ä* ‘влага, влажный’ представлен в семито-хамитских языках: *mr* ‘влажный; дождь, водоем’, картвельских: **mar-(ei)* ‘озеро, влажная почва; облако’ (← ‘влажный’); индо-европейских: *mor-* ‘болото, водоем’; дравидских [*maṛ-ai*] ‘дождь’; алтайских: *mōRä-/müRä-* ‘море, река; вода’ [44. С. 60].

Для «ностратических» народных традиций, видимо так же, как и для славянских, существовала культурно-мифологическая база, подтверждавшая и подпитывавшая семантику слов и семантические переходы между словами. По крайней мере, у мордвы по представлениям, дожившим до наших дней, считалось, что перед началом творения весь мир был покрыт водой: «Вода в мордовской мифологии выступает как исходное состояние всего сущего, являющееся основой, зародышем мира. Неслучайно она обозначается терминами *Иневедь* (буквально “Великая вода”), *Поки ведь* (буквально “Большая вода”). И.Н. Смирнов трактовал ее в качестве ‘первичной материи’, а Л.С. Кавтаськин – как ‘первоначальный субстрат» [45. С. 74].

Отвечая на вопрос, вынесенный в название статьи, можно сказать, что славянское *море* – это не только море, но и любая «большая вода»; эта же семантика свойственна большинству индоевропейских и ряду ностратических языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.
2. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1992. Вып. 19.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах / Перевод с немецкого и дополнения чл.-корр. АН СССР Олега Николаевича Трубачева. Изд. второе, стереотипное. М., 1986. Т. II.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2. С.-Петербург; М., 1881. Т. 2. И–О.
5. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. Л., 1982. Вып. 18. Масленичек – Мутарсливый.
6. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1991. Т. 7. Мгла – Немарасць.
7. Тураўскі словнік. У 5 тамах / Складальнікі А.А. Крывіцкі, Г.А. Цыхун, І.Я. Яшкін. Мінск, 1984. Т. 3. Л–О.

⁴ От лат. *nostrās*, род. п. *nostrātis* «наш», «нашего круга», «здешний» – гипотетическая макросемья языков, объединяющая несколько языковых семей и языков Европы, Азии и Африки, в том числе алтайские, картвельские, дравидские, индоевропейские, уральские, иногда также афразийские и эскимосско-алеутские языки, восходящие к единому ностратическому праязыку.

8. Слоўнік мікрапапонамаў Магілёўшчыны / Складальнікі: С.В. Клімуць, В.І. Параўцоў, С.У. Шакура, А.М. Шубадзёрава. Магулёў, 2004.
9. *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Kraków, 1874. T. 7. Krakowskie. Część III.
10. Słownik stereotypów i symboli ludowych. Lublin, 1999. T. I. Kosmos. Ziemia, woda, podziemie. Koncepcja całości i redakcja: J. Bartmiński.
11. *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław;Warszawa;Kraków, 1969. T. III. Ł–O.
12. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Zebrał a opracował *S. Ramult*. Kraków, 1893.
13. *Berka A.* Słownik kaszubski porównawczy. Warszawa, 1891.
14. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1978. Вып. 5.
15. Slovník slovenských nářečí. Bratislava, 2006. D. 2. L–P (ovzhádzaf).
16. *Suster-Seve H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1984. 13. mjetlo – njedara.
17. *Куркина Л.В.* Названия болот в славянских языках // Этимология 1967. Материалы международного симпозиума «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии». 24–31 января 1967 г. М., 1969.
18. Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад; Загреб, 1969. Књ. 3. Друго фототипско издање. 2000.
19. *Григорян Э.А.* Словарь местных географических терминов болгарского и македонского языков. Ереван, 1975.
20. Областной словарь вятских говоров. Киров, 2011. Вып. 6. М–Н.
21. *Толстая С.М.* Молоко // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. В 5 томах. М., 2004. Т. 3.
22. Етимологічний словник української мови. Київ, 1989. Т. 3. Кора–М.
23. *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza powszechna, 1985.
24. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. 2. dopln. vyd. Praha, 1968.
25. *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1982. Druga knjiga. K–O.
26. *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / Suradivao V. Putanec. Zagreb, 1972. Knj. druga. K–Poni.
27. Български етимологичен речник. София, 1995. Т. IV. Минго²–Падам.
28. *Толстой Н.И.* Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание: VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.): Доклады советской делегации. М., 1968.
29. *Белова О.В., Виноградова Л.Н.* Море // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. В 5 томах. М., 2004. Т. 3.
30. *Dobšinský P.* Prostonárodní obyčaje, poverý a hry slovenské. Turč. Sv. Martin: Tlačou knižtlač. účastinár. spolku, 1880.
31. *Dobšinský P.* Slovenské národné povesti. Bratislava, 1995.
32. Slovenské povesti, sobrané od Augustína H. Škultetýho a Pavla Dobšinského. Vydáva K.Salva. Ružomberok, 1896.
33. *Vinja V.* Jadranske etimologije. Jadranske dopune Skokovu etimologijskom rječniku. Knj. I Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti, Školska knjiga, 1998.
34. *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław;Warszawa;Kraków, 1967. T. I. A–G.
35. *Кляус В.Л.* Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997.
36. A dictionary of selected synonyms in the principal indo-european languages. A contribution to the History of ideas by C.D. Buck. With the co-operation of colleagues and assistants. Chicago & London, 1949.
37. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1979. Вып. 6.
38. *Karulis K.* Latviešu etimoloģijas vērdnīca divos sējumos. Rīga, 1992. I. A – O.
39. *Poblocki X.G.* Słownik kaszubski z dodatkiem idyotyzmów chełmińskich i kociewskich. Chełmno, 1887.
40. *Топоров В.Н.* Прусский язык. Словарь. А – Д. М., 1975.
41. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1975. Вып. 2.
42. *Завьялова М.В.* Литовские загадки о доме как о животном // Tautosakos darbai XLVI, 2013.
43. *Невская Л.Г.* Лит. *margas* (семантические связи постоянного эпитета) // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984.
44. *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидский, алтайский). Сравнительный словарь (1 – 3). Указатели. М., 1976.
45. *Мастина М.А.* Дисс. канд. культурологии «Мифологическое мышление в традиционной обрядности мордвы». Саранск, 2014.